

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

Рига, 27 декабря 2010 года

по делу №2010-38-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Гунарс Кутрис, судьи Каспарс Балодис, Айя Бранта, Кристине Крума, Винета Муйжниеце и Викторс Скудра,

по заявлению Ю.Ф. (далее в тексте – Заявительница),

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, а также статей 19² и 28¹ закона О Конституционном суде,

на судебном заседании 30 ноября 2010 года в письменном процессе рассмотрел дело

«О соответствии статей 358 и 364 Гражданского закона статье 96 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Статья 358 Гражданского закона гласит: «Душевнобольных, лишенных всех или большей части умственных способностей, следует признавать недееспособными и неспособными представлять себя в правовом отношении, а также управлять и распоряжаться своим имуществом, поэтому над ними следует устанавливать опекунство.»

В свою очередь статья 364 Гражданского закона предусматривает следующее: «Если суд признал душевнобольного выздоровевшим, то есть

дееспособным, он поручает сиротскому суду уволить опекунов с должности после представления ими отчета и передачи имущества, находившегося под их управлением, выздоровевшему лицу.»

Статьи 358 и 364 Гражданского закона (далее в тексте – оспариваемые нормы) действуют в такой редакции с 1 сентября 1993 года, то есть с момента вступления в силу части Гражданского закона, относящейся к семейному праву.

2. Заявительница была признана недееспособной решением Суда Латгальского предместья города Риги от 5 июня 2003 года. Опекуном Заявительницы был назначен ее брат. На основании заявления Заявительницы Рижский сиротский суд обратился в суд с заявлением о признании Заявительницы дееспособной и прекращении опекунства, но 19 декабря 2007 года Суд Латгальского предместья города Риги отклонил заявление Рижского сиротского суда.

Заявительница выражает мнение, что оспариваемые нормы ущемляют право Заявительницы на неприкосновенность личной жизни, гарантированное ей статьей 96 Конституции Латвийской Республики (далее в тексте – Конституция). По мнению Заявительницы, ограничение, содержащееся в оспариваемых нормах, установлено законом и имеет легитимную цель, заключающуюся в обеспечении благополучия общества и защите прав других людей и прежде всего – в попытке защитить лица, страдающие от нарушений душевного здоровья, от риска злоупотреблений и обеспечить им необходимую помощь в реализации их прав. Однако упомянутое ограничение несоразмерно.

Легитимная цель может быть достигнута более щадящими средствами. Статья 358 Гражданского закона, по мнению Заявительницы, предусматривает только полное отнятие дееспособности и не учитывает степени душевного расстройства. Таким образом, закон предусматривает ограничение только одного вида и объема и не допускает альтернатив, которые ограничивали бы права лица в меньшей мере, например, частичное ограничение дееспособности, помощь в принятии решений. По мнению Заявительницы, лицо, лишенное большей части умственных

способностей, не следует полностью лишать дееспособности. Более того, закон должен различать случаи, когда лицо лишено лишь половины или меньшей части умственных способностей, и устанавливать соразмерное ограничение. В настоящее время закон не предусматривает возможности установления ограничения, пропорционального степени утраты лицом умственных способностей, вместо этого он предусматривает установление одинакового статуса и одинаковых ограничений применительно к лицам с душевными расстройствами и нарушениями интеллектуального развития различного характера и разной степени тяжести.

Аналогично, статья 364 Гражданского закона допускает восстановление дееспособности только в случае выздоровления. Таким образом необоснованно сужается круг лиц, к которым применимо восстановление дееспособности, так как, по мнению Заявительницы, при нарушениях интеллектуального развития, так же как при большинстве душевных расстройств, выздоровление невозможно. Закон не предусматривает возможности восстановления дееспособности по критериям, по которым дееспособность определяется, то есть на основании способности лица представлять себя, а также управлять и распоряжаться своим имуществом. Кроме того, выздоровление является единственным критерием, при этом не учитывается возможность освоения лицом новых навыков и развития имеющихся, что может улучшить способность лица к принятию самостоятельных решений.

В качестве обоснования своего мнения Заявительница ссылается на несколько документов международного права, в первую очередь – на Конвенцию Организации Объединенных Наций (далее в тексте – ООН) о правах инвалидов. Дополнительно Заявительница указывает на то, что в большинстве стран Европы введены альтернативы полному лишению дееспособности.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Саэйма (Парламент) – не согласен с мнением Заявительницы и считает, что оспариваемые нормы соответствуют статье 96 Конституции.

Оспариваемые нормы ограничивают право на личную жизнь, однако ограничение является соразмерным. Статья 358 Гражданского закона не предусматривает механического ограничения дееспособности вне зависимости от степени утраты лицом умственных способностей. Напротив, упомянутая статья допускает отнятие дееспособности только в том случае, если лицо, страдающее от нарушений душевного здоровья, лишено всех или большинства умственных способностей. В прочих случаях, то есть на основании одного лишь наличия душевного расстройства, лицо не может быть лишено дееспособности. Кроме того, сама процедура принятия решений о признании лиц недееспособными, по мнению Сазймы, обеспечивает достаточную оценку перед принятием окончательного решения, а также уравнивает интересы разных сторон.

Согласно статье 364 Гражданского закона для восстановления дееспособности больного признания его полного выздоровления судом не требуется. В контексте статьи 364 Гражданского закона лицо следует признать выздоровевшим в том случае, если оно обладает умственными способностями, необходимыми для ведения обычных дел. Кроме того, нормы закона О сиротском суде во взаимосвязи с частью первой статьи 270 Гражданско-процессуального закона предусматривают обязанность сиротского суда контролировать ситуацию недееспособного лица и инициировать восстановление дееспособности лица, если на то имеется законное основание. Данный механизм должен обеспечивать известную регулярность переоценки отнятия дееспособности.

Лишение лица дееспособности происходит лишь в наиболее тяжелых случаях. В пограничных же ситуациях, когда теоретически и гипотетически возможна дискуссия о частичном отнятии дееспособности, при разумном применении правовых норм, решение следует принимать в пользу сохранения дееспособности и вообще не ограничивать гарантированные Конституцией права на неприкосновенность личной жизни.

Статья 12 Конвенции ООН О правах инвалидов не обязывает государство включать в нормативные акты правовое регулирование

частичного лишения дееспособности. Единственное, чего она требует – использовать соразмерные средства при лишении лиц дееспособности. Частичная недееспособность является лишь одним из инструментов, используемых в других странах. В число других инструментов входят личные ассистенты, соблюдение данных заранее указаний, помощь при принятии решений и пр. Исполнительная власть в настоящее время анализирует, следует ли усовершенствовать нормативные акты Латвии в этом отношении.

Назначение опекуна в соответствии с оспариваемыми нормами не ущемляет прав лица, страдающего от нарушений душевного здоровья, а позволяет ему в известной степени управлять своим имуществом и участвовать в повседневной жизни. Следовательно, оспариваемые нормы представляют собой разумное ограничение прав на личную жизнь и соответствуют принципу соразмерности.

4. Приглашенное лицо – Министерство благосостояния – информирует, что распоряжением Кабинета министров от 12 октября 2009 года №693 утвержден «План реализации Конвенции Организации Объединенных Наций О правах инвалидов на 2010–2012 годы», в который включена задача проанализировать необходимость актуализации части «Семейное право» Гражданского закона и принятия решения о целесообразности разработки поправок к Гражданскому закону. Для выполнения упомянутой задачи создана рабочая группа, в состав которой входят представители Министерства благосостояния, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения, Бюро Омбудсмана и других государственных учреждений, а также неправительственных организаций. Рабочей группе поручено до 31 декабря 2010 года принять решение о целесообразности разработки поправок к нормативным актам.

В ходе проведенных до сих пор заседаний рабочей группы констатировано следующее: для выполнения обязательств, определенных в статье 12 Конвенции ООН О правах инвалидов, национальные нормативные акты, регулирующие вопросы, связанные с институтом дееспособности, должны предусматривать максимальное сохранение

лицу дееспособности. В упомянутые нормативные акты необходимо интегрировать принцип соразмерности применительно к ограничению дееспособности, обеспечить право на регулярный пересмотр дееспособности, а также право лица быть выслушанным на любой стадии судопроизводства.

Участники рабочей группы выразили мнение, что для реализации статьи 12 Конвенции ООН О правах инвалидов необходимо внести поправки в Гражданский закон, Гражданско-процессуальный закон и закон О сиротских судах и установить запрет на полное ограничение дееспособности. Необходимо уточнить критерии ограничения дееспособности и предусмотреть максимальное сохранение дееспособности. Кроме того, ограничение дееспособности должно быть временным и регулярно пересматриваться. При установлении ограничения дееспособности необходима индивидуальная оценка, и ограничение должно касаться только тех областей, в которых лицо не способно принимать решения самостоятельно.

Помимо этого участники рабочей группы выразили мнение, что в национальные нормативные акты необходимо внедрить механизм помощи при принятии решений, предусматривающий назначение специального помощника в определенных сферах жизни. Определение таких сфер и назначение помощника следует осуществлять посредством решения суда с учетом состояния здоровья конкретного лица, его желаний и интересов. Кроме того, необходимо предусмотреть право лица заранее давать указания касательно действий в случае, если лицо в будущем будет неспособно принимать соответствующие решения по состоянию здоровья.

Кроме того, необходимы поправки к Гражданско-процессуальному закону касательно участия лица в судебном заседании, обязанности выслушивания, методов и других вопросов. Необходимо подчеркнуть обязанность судьи оценивать влияние заболевания на способность лица решать вопросы в рамках конкретной сферы, а не значение заключения экспертизы. Из статьи 270 Гражданско-процессуального закона следует вычеркнуть слово «выздоровливает», так как от некоторых болезней лицо

не может излечиться вовсе. Также необходимо расширить круг лиц, которые могут подавать заявление на восстановление дееспособности.

Министерство благосостояния выражает мнение, что оспариваемые нормы ущемляют основные права, определенные в статье 96 Конституции, и в отношении упомянутого ограничения не соблюден принцип соразмерности. Несмотря на то, что ограничение дееспособности необходимо как защитная мера, оно должно быть связано с конкретными обстоятельствами, и при его установлении следует учитывать способность соответствующего лица к действиям, а также его потребности. Кроме того, ограничение дееспособности как защитная мера должно минимально вмешиваться в права лица.

5. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее в тексте – Омбудсмен) – указывает, что, резюмируя полученные Бюро Омбудсмена заявления по вопросам дееспособности, он сделал следующие выводы:

1) в отдельных случаях судопроизводство об отнятии дееспособности возбуждается без уведомления лица, кроме того, суды не проводят должной оценки того, приложены ли к заявлению доказательства, достаточные для возбуждения подобного процесса;

2) в отдельных случаях при лишении лица дееспособности игнорируется его право на участие в процессе и предоставление собственных пояснений;

3) в некоторых случаях приглашенные в рамках дела специалисты (сиротский суд, прокурор, иногда – судебные эксперты) считают, что дееспособность лица следует ограничить в отдельной области, а не полностью, однако нормативное регулирование не допускает такой возможности;

4) в судебной практике мало случаев восстановления дееспособности лиц.

Еще в 2008 году в ходе проверки дела Омбудсмен пришел к выводу, что правовые нормы, регулирующие вопрос о дееспособности, не соответствуют Конституции и международным документам по правам

человека. Поэтому 14 октября 2008 года было отправлено письмо Министерству юстиции, в котором выражалось мнение о необходимых изменениях в Гражданском и Гражданско-процессуальном законах относительно признания лица недееспособным и восстановления дееспособности лица. В своем ответе Министерство юстиции выразило поддержку инициативе по улучшению нормативного регулирования.

В настоящее время представитель Бюро Омбудсмана принимает участие в работе созданной Министерством благосостояния рабочей группы, задача которой состоит в оценке необходимости внесения поправок в институт дееспособности и опеки. В качестве одного из главных мнений участников рабочей группы следует подчеркнуть мнение, что для выполнения обязанностей, определенных в статье 12 Конвенции ООН о правах инвалидов, необходимо внести поправки в Гражданский закон, Гражданско-процессуальный закон и закон О сиротских судах, которые устанавливали бы запрет на полное ограничение дееспособности.

Омбудсмен выражает мнение, что из статьи 12 Конвенции ООН о правах инвалидов, а также из статьи 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее в тексте – Европейская Конвенция о правах человека), если рассматривать ее во взаимосвязи с рекомендацией № R(99) 4 Комитета министров Совета Европы от 23 февраля 1999 года «О принципах защиты прав недееспособных лиц», следует обязанность Латвийской Республики создать нормативное регулирование, предусматривающее возможность частичного ограничения дееспособности лица. Необходимо предусмотреть обязанность каждый случай оценивать индивидуально и устанавливать ограничение только в тех областях, в которых это действительно необходимо данному лицу.

Нельзя согласиться с выраженным в ответном письме Саэймы мнением о том, что оспариваемые нормы допускают дифференцированный подход к ограничению дееспособности. Они предусматривают только крайние решения, то есть либо признание лица недееспособным, либо полное сохранение дееспособности. Такой подход

не обеспечивает надлежащей защиты лицам с нарушениями душевного здоровья. Оспариваемое регулирование не допускает альтернатив, которые позволяли бы в меньшей степени ограничивать права лица, например, частичное ограничение дееспособности или помощь в принятии решений. Кроме того, следует учесть, что при сохранении полной дееспособности в случаях, когда лицо все же лишено части умственных способностей, не обеспечивается надлежащая защита прав как самого лица, так и других лиц. Следовательно, статья 358 Гражданского закона содержит несоразмерное ограничение прав лица на личную жизнь, кроме того, она не может в полной мере обеспечить достижение поставленных целей.

В свою очередь статья 364 Гражданского закона необоснованно узко определяет выздоровление в качестве главного критерия для восстановления дееспособности лица. Закон не определяет явным образом возможности восстановления дееспособности на основании критериев, использовавшихся при ее ограничении. Кроме того, судебная практика свидетельствует о грамматическом толковании упомянутой нормы. Таким образом, действующее регулирование не обеспечивает лицам, страдающим от нарушений душевного здоровья, прав на личную жизнь в случаях, когда заболевание неизлечимо.

Часть выводов

6. В данном деле конституционная жалоба была подана лицом, признанным недееспособным. В решении о возбуждении дела указано, что вопрос о способности Заявительницы подать конституционную жалобу будет оценен в ходе рассмотрения дела.

Закон О Конституционном суде *expressis verbis* не решает вопроса о дееспособности в процессе Конституционного суда. Однако часть первая статьи 19² закона О Конституционном суде определяет, что конституционную жалобу в Конституционный суд может подать «любое лицо, считающее, что его основные права, определенные в Конституции, ущемляются правовой нормой, не соответствующей норме права высшей

юридической силы». Следовательно, в качестве критерия подачи конституционной жалобы определена способность являться субъектом основных прав, а не дееспособность лица.

Заявительница подала конституционную жалобу касательно правовых норм, непосредственным образом связанных с ее, как недееспособного лица, статусом. Кроме того, необходимо учитывать, что опекун Заявительницы не выказал интереса к оспариванию данных конкретных норм. Поэтому в случае, если бы Конституционный суд отказался принять и рассмотреть конституционную жалобу Заявительницы, она была бы лишена возможности защитить свои основные права.

Мнение о том, что первостепенной целью конституционной жалобы является защита основных прав и что в особенности это следует учитывать при принятии решений о дееспособности применительно к процессу Конституционного суда, также выражено в юриспруденции (см.: *Rodiņa A., Konstitucionālās sūdzības teorija un prakse Latvijā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2009, cmp. 75*). Аргумент о том, что недееспособность лица лишает его права на подачу жалобы, был отклонен и Европейской Комиссией по правам человека (см. *решение Европейской Комиссии по правам человека по делу Matter v. The Slovak Republic, decision as to the admissibility, 16 September 1997, appl.No. 31534/96, para. 1*).

Таким образом, следует признать, что Заявительница имеет право подать конституционную жалобу об оспариваемых нормах.

7. Заявительница считает, что оспариваемые нормы не соответствуют правам на неприкосновенность личной жизни, гарантированным в статье 96 Конституции.

Статья 96 Конституции гласит: «Каждый имеет право на неприкосновенность личной жизни, жилища и корреспонденции.»

Разъясняя права на личную жизнь, гарантированные в статье 96 Конституции, Конституционный суд ранее уже указывал, что упомянутые права затрагивают различные аспекты. Они защищают физическую и духовную целостность индивидуума, его честь и достоинство, имя и

идентичность, а также персональные данные. Право на личную жизнь означает, что индивидуум имеет право на свое личное пространство, право жить как он считает нужным, развивать и совершенствовать свою личность в соответствии со своим естеством и желаниями, при этом минимально страдая от вмешательства государства и других лиц. Упомянутые права включают в себя право отличаться, сохранять и развивать свойства и способности, отличающие индивидуума от других людей и индивидуализирующие его (см. пункт 10 решения Конституционного суда от 26 января 2005 года по делу №2004–17–01).

Признание лица недееспособным существенно влияет на его способность действовать самостоятельно и принимать решения практически во всех сферах жизни – лицо не может самостоятельно заключать договоры, в том числе трудовые договоры, договоры о покупке или аренде, не может участвовать в выборах, вступать в брак, составлять завещание и осуществлять другие действия, имеющие юридические последствия. То есть признание лица недееспособным существенно ограничивает его право на личную жизнь. К схожему заключению пришел и Европейский Суд по правам человека (см. решение Европейского Суда по правам человека по делу «Shtukaturov v. Russia», judgment of 27 March 2008, appl. No. 44009/05, para. 83).

Так как оспариваемые нормы регулируют отнятие и восстановление дееспособности, следует признать, что они касаются прав на неприкосновенность личной жизни, определенных в статье 96 Конституции.

8. Конституционный суд ранее уже указывал, что невмешательство в личную жизнь лица является одной из основных ценностей демократического общества. Однако даже у прав на неприкосновенность личной жизни есть границы (см. пункт 4.1. решения Конституционного суда от 21 декабря 2001 года по делу №2001-04-0103).

Статья 116 Конституции предусматривает, что права, включенные в статью 96 Конституции, могут подлежать ограничению, если ограничение установлено законом, принятым надлежащим образом, имеет легитимную

цель и является соразмерным (см. пункт 11 решения Конституционного суда от 26 января 2005 года по делу №2004–17–01).

9. Оспариваемые нормы включены в Гражданский закон, и в деле не оспаривается, что ограничение установлено посредством закона, принятого надлежащим образом.

10. Согласно статье 116 Конституции основные права, определенные в статье 96 Конституции, могут быть ограничены с целью защиты прав других людей, демократического строя государства, общественной безопасности, благосостояния и нравственности.

Сазйма указывает, что легитимной целью оспариваемых норм является защита прав других лиц и безопасности общества. Данное мнение Сазйма не обосновала.

Конституционный суд присоединяется к мнению, выраженному Заявительницей и Омбудсменом, о том, что главной целью отнятия дееспособности следует признать защиту прав самого лица, страдающего от нарушений душевного здоровья. Ограничение дееспособности осуществляется для того, чтобы при помощи опекуна обеспечить ведение дел такого лица, а также защитить лицо от последствий действий, которые оно было неспособно осознать и которыми оно не могло управлять.

Следовательно, ограничение прав на личную жизнь, установленное в оспариваемых нормах, имеет легитимную цель.

11. Чтобы быть оправданным ограничение основных прав должно быть соразмерным достигаемой цели. Оценивая соразмерность ограничения, Конституционный суд проверяет следующее: 1) возможно ли достижение легитимной цели при помощи выбранного средства (пригодность); 2) не может ли легитимная цель быть достигнута средствами, в меньшей степени ограничивающими права индивидуума (необходимость) и 3) превышает ли получаемая обществом польза ущерб, нанесенный правам индивидуума (соответствие).

Если анализ нормы права показывает, что она не соответствует хотя бы одному из упомянутых критериев, то она не соответствует принципу соразмерности и является неправомерной (см. пункт 11 решения Конституционного суда от 16 мая 2007 года по делу №2006-42-01).

Именно с учетом того, что главной целью отнятия дееспособности является защита прав самого лица, страдающего от нарушений душевного здоровья, и следует оценивать соразмерность такого ограничения прав на личную жизнь.

Следовательно, дееспособность лица не следует ограничивать больше, чем это необходимо для защиты прав самого лица. Вид и объем ограничения должны быть наиболее благоприятными и необходимыми для самого лица.

12. При выяснении содержания статьи 96 Конституции и объема следующих из нее обязанностей государства среди прочего следует учитывать международные обязательства Латвии в сфере прав человека. Международные нормы прав человека и практика их применения служат средством интерпретации при выяснении содержания и объема основных прав и принципов правового государства, если это не приводит к сужению основных прав, определенных в Конституции (см. пункт 10 решения Конституционного суда от 23 апреля 2009 года по делу №2008-42-01).

Права индивидуума на личную жизнь защищены среди прочего статьей 8 Европейской Конвенции о правах человека и статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, не допускающими произвольного или незаконного вмешательства в личную жизнь любого человека.

Кроме того, в отношении ограничения дееспособности важное значение имеет статья 12 Конвенции ООН о правах инвалидов. Часть вторая упомянутой статьи определяет, что инвалиды, так же как другие лица, обладают дееспособностью во всех областях жизни, а часть третья упомянутой статьи обязывает государства, подписавшие Конвенцию, принять все необходимые меры для обеспечения доступности поддержки,

которая может быть необходима инвалидам для реализации ими своей дееспособности. В свою очередь часть четвертая статьи 12 предусматривает следующее:

«Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Эти гарантии должны быть соразмерны той степени, в которой такие меры затрагивают права и интересы данного лица.»

26 января 2009 года Управление Верховного комиссара ООН по правам человека представило Совету ООН по правам человека Тематическое исследование о Конвенции ООН о правах инвалидов. В нем указано, что национальные нормы гражданского права, регулирующие ограничения дееспособности и опеку, подлежат пересмотру и реформированию прежде всего. В докладе говорится, что действующее во многих странах нормативное регулирование, позволяющее признавать лица недееспособными на основании психических, интеллектуальных или сенсорных нарушений, противоречит части второй статьи 12 Конвенции (*см. Thematic Study by the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on enhancing awareness and understanding of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, 26 January 2009, A/HRC/10/48, para. 45*).

В свою очередь принцип 2 рекомендации № R(99) 4 Комитета министров Совета Европы «О принципах защиты прав недееспособных лиц» подчеркивает, что меры, при помощи которых осуществляется защита личных и экономических интересов недееспособных лиц как по

своему объему, так и по гибкости должны позволять юридическое решение в различных ситуациях и при разной степени недееспособности. В свою очередь согласно принципу 3 упомянутой рекомендации правовое регулирование должно предусматривать возможность недееспособности разной степени и то, что с течением времени она может претерпевать изменения. Таким образом, полное лишение лица дееспособности не может являться механическим результатом применения защитной меры. Европейский Суд по правам человека указал, что, несмотря на необязательность упомянутых принципов, они все же могут служить определением общеевропейского стандарта в данной области (см. *решение Европейского Суда по правам человека по делу «Shtukaturov v. Russia», judgment of 27 March 2008, appl. No. 44009/05, para. 95*).

В деле «Штукатуров против России» Европейский Суд по правам человека признал, что статья 8 Европейской Конвенции о правах человека нарушена тем, что в Гражданском кодексе России предусмотрена только полная дееспособность или полная недееспособность, но не предусмотрены пограничные ситуации, за исключением регулирования о лицах, зависимых от наркотиков и алкоголя. Европейский Суд по правам человека подчеркнул, что российское правовое регулирование не предусматривает индивидуальную оценку случая, и что действующее правовое регулирование не оставило судье возможности выбора (см. *решение Европейского Суда по правам человека по делу «Shtukaturov v. Russia», judgment of 27 March 2008, appl. No. 44009/05, para. 95*).

В своем ответном письме Саэйма указывает, что фактические обстоятельства дела «Штукатуров против России» существенно отличаются от рассматриваемого дела, поэтому выводы, сделанные Европейским Судом по правам человека, нельзя отнести к рассматриваемому делу. Однако следует указать, что в данном случае не имеет значения, насколько схожи или различны фактические обстоятельства упомянутого дела и дела Заявительницы. Конституционный суд не оценивает правомерность признания Заявительницы недееспособной, а лишь проверяет соответствие оспариваемых норм статье 96 Конституции. Так как в деле «Штукатуров

против России» Европейский Суд по правам человека выразил мнение о правовом регулировании, сравнимом с оспариваемыми нормами, выводы, сделанные Европейским Судом по правам человека, имеют существенное значение в рамках рассмотрения настоящего дела.

Следовательно, из международных обязательств Латвии в сфере прав человека следует обязанность предусмотреть такие механизмы ограничения дееспособности, которые включали бы в себя индивидуальную оценку ситуации и выбор наиболее подходящего в каждой конкретной ситуации ограничения. Регулирование, не предусматривающее пограничных ситуаций и определяющее лишь полное лишение лиц дееспособности, не соответствует требованиям прав человека.

13. В результате рассмотрения оспариваемых норм можно заключить, что они устанавливают ограничение именно такого рода. Статья 358 Гражданского закона предусматривает либо полное сохранение, либо полное отнятие дееспособности. Она не допускает установления частичного ограничения дееспособности, а также не предусматривает применения иных, более щадящих и подходящих решений.

Аналогичные соображения применимы и к статье 364 Гражданского закона. Положительно следует оценивать увольнение назначенных опекунов в случае выздоровления лица. Кроме того, под выздоровлением понимается достижение такого состояния здоровья, при котором лицо не было бы признано недееспособным согласно статье 358 Гражданского закона, то есть когда лицо более не лишено большей части умственных способностей. Однако регулирование, включенное в оспариваемые нормы, находится в тесной взаимосвязи. В ситуациях, когда суд принимает решение о восстановлении дееспособности, он тоже может решить только или в пользу полного восстановления дееспособности, или в пользу полного сохранения недееспособности. Частичное восстановление дееспособности или применение иного, более щадящего и подходящего решения, невозможно. Кроме того, Заявительница

обоснованно указывает на следующее: в статье 364 Гражданского закона не учтена возможность, что лицо может освоить новые и развить уже имеющиеся навыки, тем самым улучшив свою способность принимать самостоятельные решения вне зависимости от изменений в состоянии здоровья.

Конституционный суд ранее уже указывал, что он не должен в своем решении перечислять возможные более щадящие средства. В случае констатации существования хотя бы одного менее ограничивающего средства есть основания признать, что оспариваемая норма налагает несоразмерные ограничения на основные права (см. пункт 17.2 решения Конституционного суда от 23 апреля 2009 года по делу №2008-42-01). Более щадящим средством можно признать не любое другое средство, а лишь такое, при помощи которого может быть обеспечено такое же качество достижения легитимной цели (см. пункт 19 решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу №2004-18-0106).

Информация, собранная в материалах дела, свидетельствует о том, что существуют разные методы, которые государство может использовать для ограничения дееспособности в соответствии с требованиями прав человека. В качестве примера можно упомянуть частичное ограничение дееспособности, помощь в принятии решений, личных ассистентов, соблюдение указаний, данных заранее, и пр.

Кроме того, разные государства выбирают разные модели. Частичное ограничение дееспособности предусмотрено во многих государствах Европы, например, в Чехии, Хорватии, Эстонии, Польше, Германии и в других странах. Например, Гражданский кодекс Эстонии определяет, что в случаях, когда лицу назначен опекун, дееспособность лица следует считать ограниченной в тех вопросах, в отношении которых был назначен опекун. Таким образом, в каждом конкретном случае суд должен решить, какие действия лежат за пределами понимания лица и его способности руководить ими и в отношении каких действий лицу поэтому необходимо назначить опекуна (см. стр. 183 тома 1 материалов дела). В свою очередь в Нидерландах и Люксембурге наряду с институтом опеки отдельно предусмотрена возможность назначить лицу

контролера. В то же время в Норвегии лицо, страдающее от нарушений душевного здоровья, может заключать договоры, но в отдельных случаях опекун может потребовать их аннулирования (*см. стр. 170 – 202 тома 1 материалов дела*). Министерство благосостояния также упоминает различные альтернативные механизмы ограничения дееспособности, используемые в Англии и Уэльсе, Италии, Канаде, Швеции и других странах (*см. стр. 142 – 145 тома 1 материалов дела*).

В число задач Конституционного суда не входит выражение мнения о наиболее подходящем из различных возможных решений варианте. Однако упомянутые примеры позволяют сделать вывод, что менее ограничивающие средства существуют, кроме того, с их помощью возможно более эффективное достижение легитимной цели оспариваемых норм.

Следовательно, оспариваемые нормы налагают несоразмерные ограничения на права лица на личную жизнь, определенные в статье 96 Конституции.

14. Вместе с тем следует заключить, что незамедлительная отмена оспариваемых норм не решила бы существующие проблемы, кроме того, она создала бы недопустимый пробел в национальном правовом регулировании. Чтобы согласовать нормативное регулирование с требованиями, следующими из статьи 96 Конституции и международных документов по правам человека, необходимо тщательно проанализировать существующую систему и усовершенствовать правовое регулирование.

Нормы, оспариваемые в данном конкретном деле, охватывают лишь часть вопросов, связанных с ограничением дееспособности. Как документы о правах человека, являющиеся обязательными для Латвии, и документы рекомендательного характера, так и практика Европейского Суда по правам человека охватывают гораздо более широкий круг вопросов и проблем, которые Латвии необходимо учесть для выполнения своих обязательств в сфере прав человека. Можно упомянуть такие примеры как ограничение дееспособности на определенный срок с

периодическим пересмотром ограничений, право лица на участие в судебном заседании и право быть выслушанным по вопросу об ограничении дееспособности, защитные меры, не ограничивающие дееспособность лица и пр.

Таким образом, для того, чтобы усовершенствовать правовое регулирование в соответствии с вышеупомянутыми принципами, государство обязано не только внести соответствующие поправки в материальные и процессуальные нормы, но и создать материальное и институциональное обеспечение, необходимое для успешного функционирования такой системы, позаботиться об обучении судей и других лиц, применяющих правовые нормы, а также принять другие необходимые меры. Конституционный суд принимает во внимание, что для принятия упомянутых мер необходим разумный период времени.

Постановляющая часть

На основании статей 30 – 32 закона О Конституционном суде
Конституционный суд

постановил:

признать статьи 358 и 364 Гражданского закона не соответствующими статье 96 Конституции Латвийской Республики и не имеющими силы с 1 января 2012 года.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель судебного заседания

Г. Кутрис